

В начале третьего ночи поезд сделал остановку в Джагдачи. Свет фонарей на перроне светил чуть ярче, и, пробиваясь сквозь окно, падал на лицо Цзян Шоуяня. Вагон слишком сильно раскачивало, и хотя на мягкой полке в купе можно было лежать, на самом деле особого комфорта это не приносило.

Цзян Шоуянь спал чутко. Он наполовину проснулся ещё во время остановки, а затем окончательно пришёл в себя от ворвавшейся внутрь прохлады. Открыв глаза, он увидел плотно закутанного мужчину, который на цыпочках вошёл в купе, вполборота прикрыл за собой дверь и, постояв немного у постели, чтобы перевести дух, неспешно снял обувь и полез на верхнюю полку. Спустя пару минут шорохи на полке над Цзян Шоуянем стихли, а ещё через пять минут раздался мерный, ритмичный храп.

Сон окончательно покинул Цзян Шоуяня. Он перевернулся на другой бок и в падающем из окна свете посмотрел на спящего рядом Чэн Цзайе. Надо признать, Чэн Цзайе обладал поразительной способностью приспособливаться. Ещё час с небольшим назад он беспокойно ворочался из-за тряски вагона, устало поднимался, чтобы выкурить сигарету в тамбуре, а сейчас спал не морщась, и даже его дыхание было глубоким и ровным.

В тёплом свете перронных фонарей Цзян Шоуянь некоторое время просто смотрел на него. На его губах играла лёгкая улыбка, которой он сам даже не замечал. Вскоре поезд тронулся. Чэн Цзайе, казалось, вздрогнул от этого звука. Уткнувшись лицом в сгиб локтя, он немного потёрся носом, но не проснулся, а его брови сошлись на переносице.

Тогда Цзян Шоуянь приподнялся, опершись на руку, и наполовину потянулся к нему, но вдруг замер, о чём-то вспомнив. Размеренный храп с верхней полки лишь подчёркивал тишину в купе. Цзян Шоуянь всё же дотянулся до лица Чэн Цзайе и дважды, едва ощутимо, погладил его по переносице. Выражение лица спящего вновь стало безмятежным. Цзян Шоуянь снова откинулся на своё место.

Ночная мгла за окном казалась густой и тяжёлой, как туман. Цзян Шоуянь прислонился к стенке вагона, вдруг почувствовав острую тягу закурить.

Когда человеку не спится, его мозг обычно начинает работать с удвоенной силой: чем сильнее бессонница, тем активнее мысли, а чем активнее мысли, тем труднее уснуть. У Цзян Шоуяня с собой сигарет не было, а куда свои положил Чэн Цзайе, он не знал.

Мысли перескакивали с одного на другое, и он вспомнил, что раньше ведь совсем не курил. В то время он был слишком беден: вместо того чтобы тратить деньги на сигареты, лучше было купить пару маньтоу, которых хватило бы на весь день. Курить он начал только тогда, когда пошёл работать. Вокруг курили все, и если слишком часто отказываться от предложенной сигареты, люди начинали обижаться.

Возможно, привычка угождать укоренилась в нём с самого детства. Стоило кому-то проявить недовольство, как он тут же начинал накручивать себя и из кожи вон лез, чтобы всем угодить. Он жил, словно кусок мягкого теста: лепил из себя любую форму, какую только хотели видеть окружающие. В нём не было внутренних ориентиров, поэтому внутри зияла пустота. Раньше самое важное место в его сердце занимала бабушка. Потом этот мир рухнул. А теперь он кое-как, по кусочкам, заштопал образовавшуюся дыру и поместил туда Чэн Цзайе. Вот только для себя самого места в этом сердце он оставлять не планировал.

Чэн Цзайе... Чэн Цзайе... Цзян Шоуяню становилось тепло на душе от одного лишь мысленного повторения его имени. Этот человек подарил ему самую искреннюю любовь, не связанную с кровными узами, — любовь, которой он никогда прежде не знал. Жаркое лето в Лиссабоне до сих пор вспоминалось как прекрасная сказка. Поэтому иногда Цзян Шоуянь задавался вопросом: за что ему всё это? Он не мог найти ответа, поэтому просто отмахивался от этих мыслей, говоря себе: «Да какая разница... Какая разница». Будь то простое любопытство или жажда новизны — всё это неважно. В конце концов, ему уже нечего было терять.

Затем память перенесла его на много лет назад, в тот день, когда он впервые ехал в поезде дальнего следования. Стояло лето. Солнце за окном нещадно палило, и в его ослепительно-золотых лучах он рисовал в воображении своё прекрасное будущее. А сейчас поезд мчался всё дальше на север, сквозь пустынную снежную ночь, и взгляд Цзян Шоуяня был неотрывно прикован к лицу Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь и сам не знал, сколько времени просидел так. В голове царил полнейший сумбур: перед мысленным взором мелькали разные версии его самого. Но если бы его попросили подвести итог всем этим размышлениям, он бы не нашёл, что ответить.

За окном постепенно светало. Цзян Шоуянь повернул голову и увидел, как над серо-голубой линией горизонта медленно разгорается оранжево-красное зарево. На несколько секунд его разум опустел, а потом он вспомнил, как Чэн Цзайе однажды спросил: красивее ли восход солнца зимой?

Цзян Шоуянь помедлил — стоит ли его будить? Чэн Цзайе, казалось, спал очень крепко. В итоге он решил его не трогать. Вместо этого он включил камеру на телефоне, чтобы записать этот рассвет на видео и показать Чэн Цзайе, когда тот проснётся.

Цзян Шоуянь сел на постели, подогнув под себя ноги. Мир на экране телефона казался чуть темнее, чем в реальности, и лишь спустя мгновение Цзян Шоуянь с запозданием понял, что всё дело в слишком грязном вагонном стекле. Он аккуратно вытянул две бумажные салфетки и принялся тереть окно. Но стекло не оттиралось — грязь была снаружи. Цзян Шоуянь начал нервничать. С какой-то почти болезненной одержимостью он продолжал тереть, не замечая, что от его движений по стеклу раздаётся противный скрип. Звук был очень тихим, даже тише храпа с верхней полки, но вдруг кто-то перехватил запястье Цзян Шоуяня. Чэн Цзайе со слегка растрёпанными со сна волосами сидел рядом.

— Что случилось? — спросил он.

На Цзян Шоуяня вдруг накатила необъяснимая грусть. Он понятия не имел, чем она вызвана. Мягко опустив ресницы, он ответил:

— Хотел снять для тебя рассвет, но окно слишком грязное.

Чэн Цзайе лишь улыбнулся и, придвинувшись к самому его уху, тихо прошептал:

— Я уже проснулся. Больше ничего снимать не нужно.

Он потянул Цзян Шоуяня на себя. Тот сменил позу, усевшись скрестив ноги, и прижался спиной к груди Чэн Цзайе, спиной чувствуя его ровное, спокойное сердцебиение.

— Я тебя разбудил? — внезапно спросил Цзян Шоуянь.

Чэн Цзайе указал пальцем куда-то вверх:

— Меня разбудило вот это.

Цзян Шоуянь глухо рассмеялся.

— А ты? — спросил Чэн Цзайе. — Почему так рано проснулся?

Цзян Шоуянь немного помедлил, прежде чем ответить:

— Мне не спалось.

— Давно не спишь?

Цзян Шоуянь мысленно прибавил к правде два часа:

— Где-то с начала пятого.

— И чем занимался? Просто сидел и смотрел в пустоту? — поинтересовался Чэн Цзайе.

— Нет, — солгал Цзян Шоуянь. — Посидел немного в телефоне.

Чэн Цзайе кивнул:

— В следующий раз, если не сможешь уснуть, буди меня. Придумаем, чем заняться.

Цзян Шоуянь с улыбкой спросил:

— И чем же можно заняться в поезде?

— Хм... — задумался на мгновение Чэн Цзайе. — Рисовать карту мира на замёрзшем окне?

Они говорили вполголоса, и во время разговора их дыхание смешивалось воедино. Солнце за окном окончательно поднялось, полыхая, как пожар, на заснеженном краю горизонта. Стройные белые берёзы одна за другой проносились мимо, уплывая назад, но тот самый золотистый луч света, казалось, застыл на месте, неподвижно зависнув в правом верхнем углу окна. Цзян Шоуянь услышал, как Чэн Цзайе снова повторил:

— В следующий раз, когда не будет спать, обязательно-обязательно разбуди меня.

Его тон был таким серьёзным, что Цзян Шоуянь на мгновение потерял дар речи. Чэн Цзайе совершенно не боится хлопот. Чэн Цзайе здесь именно для того, чтобы сделать Цзян Шоуяня счастливым. Дыхание Цзян Шоуяня на секунду сбилось, и он медленно, тихо ответил:

— Угу.

— Цзян Шоуянь, тебе не кажется, что в зимних рассветах скрыто чуть больше силы, чем в летних? И пусть небо не такое красивое, а лучи, падающие на снег, выглядят даже как-то безжизненно и сурово. Но в них ощущается... какая-то особая ценность, словно этот свет дался с огромным трудом. Спасибо тебе, — сказал Чэн Цзайе, — за то, что позволил мне увидеть такой рассвет.

— А разве раньше ты не встречал рассветы в других местах? — спросил Цзян Шоуянь.

— Это совсем другое дело, — с улыбкой ответил Чэн Цзайе. — Этот я встречаю вместе с тобой.

Он ценнее всех остальных. — Подумав немного, Чэн Цзайе добавил: — Ничуть не уступает тому, что был в Лиссабоне.

Цзян Шоуянь с улыбкой спросил:

— А если бы пришлось выбрать только один?

Чэн Цзайе задумался на мгновение:

— Пожалуй, этот.

— Почему? — спросил Цзян Шоуянь.

С верхней полки всё также раздавался мерный храп, а штора на кровати напротив была плотно задёрнута. Чэн Цзайе протянул руки, обнял его, уткнулся лицом Цзян Шоуяню в шею и ласково потёрся.

— Потому что прямо сейчас я могу тебя обнимать.

<http://bllate.org/book/14908/1619089>